

The image is a vertical composite. The top half shows a white rocket ship with an American flag and a NASA-style logo, standing in a room with large windows overlooking a city skyline. In the foreground is a large, ornate wooden desk with a presidential seal on the front. The bottom half shows a reddish, rocky landscape with two grey mice. One mouse is in the foreground, looking up, while another is partially visible on the left.

Валерий Антонов

**Сага о Хвостатых
и Лысых**

Валерий Антонов

Сага о Хвостатых и Лысых

«Автор»

2026

Антонов В.

Сага о Хвостатых и Лысых / В. Антонов — «Автор», 2026

Овальный кабинет Белого дома. Президент принимает британскую делегацию. Всё идёт по протоколу — скучно, душно, предсказуемо. Но за плинтусом тоже кипит жизнь. Юная Миниэль из рода Великого Шороха готовится к Испытанию — она должна коснуться Ходячей Башни, чтобы стать Взрослой. Она взбирается на плечо леди Агаты. И мир раскалывается. Для людей — международный скандал, истерика, поиск виноватых и военная операция против грызунов. Для мышей — исполнение древнего пророчества, Великий Тинг Четырёх Кланов и война с Железными Демонами. Для Илона Маска — шанс получить бесплатных инженеров для марсианской миссии. Политическая сатира, героическое фэнтези и чёрная комедия в одном флаконе. История о том, как маленький серый грызун может изменить ход мировой истории. «Мыши» в Белом доме, «Исход» на Марс и битва за Крошку Первого Сыра.

© Антонов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Аннотация	5
Пролог	6
Часть первая. Инцидент	7
Глава 1. Чай и окончательная реальность	7
Глава 2. Мышиный кодекс: Прыжок Веры	13
Глава 3. Визг и его последствия в мире двуногих	18
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Валерий Антонов

Сага о Хвостатых и Лысых

Аннотация

Овальный кабинет Белого дома. Президент Соединённых Штатов принимает британскую делегацию. Леди Агата поправляет брошь за двести тысяч фунтов. Журналисты ждут протокольных улыбок. Адьютант боится уронить каплю пота в чашку премьера. Всё идёт по плану — скучно, душно, предсказуемо. Но за плинтусом, доставленным из дубов Вест-Эндского аббатства, тоже кипит жизнь. Там, в теплой норе, юная Миниэль из рода Великого Шороха готовится к Испытанию — она должна выйти в Открытый Мир и коснуться Ходячей Башни, чтобы стать Взрослой и получить Усы Предков.

Мини взбирается на плечо британской аристократки. И мир раскалывается надвое.

Для леди Агаты это визг домохозяйки, увидевшей таракана на платье от Маккуина. Для Президента — международный скандал, падающий рейтинг и поиск виноватых. Для прессы — заголовки, мемы и упущенный кадр века. Для мышей — исполнение древнего пророчества о Дщери, что коснётся Неба и вернётся.

Пока люди спорят, кто виноват, урезают бюджет на дезинсекцию и вызывают из DARPA экспериментальное оружие, мыши собирают Великий Тинг Четырёх Кланов. Пока Чарльз «Чистильщик» Морган, уборщик с больной спиной и личной вендеттой (тринадцать лет назад одна мышь надкусила его сэндвич с тунцом), готовит газовую атаку, мышиная цивилизация провозглашает Мини Девой-Воительницей. Грядёт война — не метафизическая, а самая настоящая, с ультразвуковыми пушками, дронами-охотниками и «Абсолютным Нолём» — газом, аннигилирующим всё живое.

«Крошка Первого Сыра» — это политическая сатира, героическое фэнтези и чёрная комедия в одном флаконе. Это история о том, как империи рушатся из-за пустяков, как великие решения принимаются людьми с пятнами от кетчупа на рубашках, и как маленький серый грызун может изменить ход мировой истории. Это «Мыши» в Белом доме, «Гамлет» в вентиляционной шахте и «Исход» на Марс, где под алыми песками Новая Нора ждёт своих строителей.

Роман, где за каждым плинтусом прячется цивилизация, за каждым президентом — уборщик с ортопедическим бандажом, а за каждой мышью — душа воина, готового умереть за Крошку Первого Сыра.

Пролог

Мышиная: В начале был Шорох. И Шорох был в стенах. И Шорох был Предками нашими. И сказал Первопроходец: «Здесь будет Дом». И прогрыз он ход в Великую Пустоту, и увидел он Гору из Камня и Древа, и сказал: «Это Белый Холм. Здесь будут жить наши дети, и дети детей, пока не иссякнет Крошка и не умолкнет Писк». И было так. Десять тысяч поколений жили в тени, питаясь крохами с пиршеств Гигантов, и был у них Закон, и был у них Кодекс, и была у них Книга Шорохов, записанная на лепестках роз. И ждали они Знамения. И Знамение пришло.

Человеческая: Белый дом был построен в 1792 году. Строители использовали песчаник, кирпич и древесину из Вирджинии. Смета составила двести тридцать две тысячи долларов. Через восемь лет после завершения строительства в здании были замечены первые грызуны. Никто не придавал этому значения. В конце концов, мыши были везде. Они пришли вместе с людьми, вместе с зерном, вместе с мусором. Они были частью пейзажа. Частью истории. Никто не думал о них как о Народе. Никто не думал о них вообще. До того дня, когда одна маленькая серая мышь взобралась на плечо британской аристократки и изменила ход мировой политики.

Две строки над бездной:

В вышине, в холодной черноте межпланетного пространства, Starship нес к Марсу сорок семь беженцев, не знавших, что они — семя новой империи.

Внизу, на Земле, в Овальном кабинете, еще не подозревая о грядущем, Леди Агата поправляла брошь, Президент чесал ягодицу, а Чарльз Морган точил свой нож.

Грядет буря.

Часть первая. Инцидент

Глава 1. Чай и окончательная реальность

1. Овальный кабинет: хроника зуда

Президент Соединенных Штатов Америки сидел в кресле, обитом кожей молодого теленка (бюджетная замена, Конгресс урезал смету на ремонт), и думал о том, что левая ягодица чешется с такой неумолимостью, словно под кожей поселилась небольшая, но амбициозная колония муравьев. Чесалась она уже третий день. Врач сказал — аллергия. На что? На нацию, наверное. Или на кресло.

Он незаметно поерзал, сделав вид, что поправляет осанку — жест, отработанный годами публичных выступлений. Движение вышло неуклюжим, левая ягодица проехала по телячьей коже с тихим, но предательским скрипом. Президент замер. Никто не заметил. Никому не было дела.

Перед ним, в кресле напротив, восседал британский премьер-министр — человек с лицом бухгалтера похоронного бюро и осанкой человека, который только что проглотил несвежий сэндвич и теперь героически сдерживает последствия. Сэндвич действительно был несвежим. Его подали в самолете, где-то над Атлантикой, и теперь в кишечнике премьера разворачивалась драма, достойная пера Софокла. Он улыбался — широкая, фарфоровая улыбка, за которой скрывались спазмы. Премьер думал о том, успеет ли он добежать до туалета после окончания протокольной части, и успеют ли его охранники предварительно проверить унитаз на предмет прослушивающих устройств.

Супруга премьера, леди Агата Тэлбот-Смайт, в девичестве Агата Булкинс (девичья фамилия тщательно скрывалась, хотя все о ней знали), сидела чуть поодаль, на диване, обитом тканью цвета запекшейся тоски. Она смотрела на люстру. Люстра была огромной, хрустальной, и ее плафоны покрывал тонкий, но несомненный слой пыли. Леди Агата поджала губы. Она знала эту пыль лично. Такая же пыль лежала на плафонах в ее собственном поместье в Хэмпшире, пока она не уволила третью горничную за халатность. Четвертая оказалась полькой и пыль вытирала. Пятая — румынкой, и тоже вытирала. Леди Агата коллекционировала горничных и пыль. Пыль побеждала.

— ...и мы полагаем, что корректировка тарифных ставок в секторе полупроводников могла бы стать основой для... — говорил британский премьер.

Президент кивал, думая о своей ягодице. Чешется. Может, это грибок? Надо бы сдать анализы. Но нельзя — сразу утечка в прессу. «У ПРЕЗИДЕНТА ГРИБОК ЯГОДИЦ» — заголовки, мемы, этот чертов ведущий с вечернего шоу будет шутить две недели.

В углу, у двери, застыл адъютант с подносом. Поднос был серебряный, чашки — костяной фарфор, чай — «Эрл Грей» (пакетированный, потому что заварку никто не заказал, а бюджет на представительские расходы опять заморозили). Адъютанта звали Кевин. Ему было двадцать четыре года, у него была степень бакалавра политологии и хроническая потливость ладоней. Сейчас его ладони потели с такой интенсивностью, что он боялся: капля упадет в чашку премьера, и это будет международный инцидент. «Чай с потом» — дипломатическая нота, санкции, война. Кевин стоял и мысленно молился, чтобы его потовые железы проявили патриотизм.

Запах в Овальном кабинете был... композитный. Основа: полироль для мебели марки «Old Glory» с ароматом лимона и патриотизма. Средняя нота: старая ковровая пыль, впитавшая десятилетия переговоров, лжи и пролитого кофе. Верхняя нота: одеколон президента, купленный в аптеке за углом, с запахом, подозрительно напоминающим средство от комаров.

— ...что касается закупок истребителей F-35, мы готовы рассмотреть дополнительный пакет, — президент отвлекся от зуда и перешел к делу. — Но нам нужны гарантии, что ваши налогоплательщики не начнут опять протестовать. В прошлый раз ваши газеты писали, что мы вас грабим.

— Газеты всегда пишут, — премьер попытался пожать плечами, но движение вызвало спазм в животе, и он превратил жест в странное конвульсивное движение, похожее на танец. — Главное — чтобы они писали с правильными цифрами. Цифры можно обсуждать.

Цифры. Торг шел уже сорок минут. Президент хотел продать еще двенадцать истребителей. Премьер хотел десять, но со скидкой. Сошлись бы на одиннадцати. Все это знали. Вся драматургия была чистой воды ритуалом — как спаривание павлинов, только скучнее.

Леди Агата перестала смотреть на люстру и перевела взгляд на стену. Там висел портрет первого президента — того самого, с деревянными зубами. Леди Агата подумала, что у этого портрета тоже есть пыль, но уже историческая, и это простительно.

Ей было скучно. Ее душа, старая и циничная, прожившая сотни жизней в высшем свете, знала эту сцену наизусть. Сейчас муж поторгует, потом они выпьют чай (холодный, она была уверена — этот потный мальчик с подносом стоит уже полчаса), потом будет фотосессия, потом обед с резиновой курицей. Она знала это так же твердо, как знала, что после обеда у нее будет изжога. Но она не знала одного: что через тридцать секунд случится прорыв хаоса. И что хаос будет серого цвета, с хвостом и усами.

2. Плинтус: хроника величия

В тени резного плинтуса, доставленного в 1814 году из дубов Вест-Эндского аббатства (тех самых, что видели коронацию Генриха VIII), стояла Она.

Ее полное имя было Миниэль из рода Великого Шороха, Дочь Линии Прогрызших Основание Мира, Внучка Первопроходца, грызшего Пергамент Декларации Независимости в тот самый момент, когда отцы-основатели ставили подписи. В ее жилах текла кровь — не та, бледная водица, что наполняет сосуды обычных грызунов, но истинная Ихор Предков, густая, как сок священного дуба, и темная, как полночь в Великой Библиотеке, где никогда не зажигают свет.

Она стояла на краю Плинтуса — так называли они Границу Миров, за которой простирался Открытый Мир, мир Ходячих Башен (так мыши именовали людей). Плинтус был изрезан резьбой — для людей это были просто завитушки, для мышей же это были руны Древних, письма, оставленные Первыми Строителями. Никто уже не помнил их смысла. Но все знали: переступить Плинтус можно лишь в Час Испытания.

И Час настал.

Вокруг Мини, выстроившись полукругом, стояли Старейшины. Их было трое. Вислоус Мудрый, чьи усы седили так долго, что их кончики доставали до пола. Грызломор Свирепый, Хранитель Запасов, чей левый глаз был закрыт бельмом — память о Битве за Крошку Пармезана. И сама Праматерь Шелеста, старейшая из старейших, чей мех был бел, как снег на вершинах Гималаев (о которых она, разумеется, ничего не знала, но интуитивно чувствовала их холод).

— Миниэль, — произнес Вислоус Мудрый, и его голос, колеблющийся в ультразвуковом диапазоне, прозвучал как пение флейты. — Сегодня ты совершишь Прыжок. Ты выйдешь в Открытый Мир. Ты коснешься Ходячей Башни. Лишь тот, кто коснулся Башни и вернулся, достоин носить Усы Предков. Знаешь ли ты, что это значит?

Мини молчала. Она знала. И не знала.

Она смотрела сквозь щель между Плинтусом и Ковром (Великим Морем Ворса) на исполлинскую фигуру Ходячей Башни. Башня носила имя Леди Агата. Она возвышалась над Миром

как утес, как гора, чья вершина терялась в облаках (на самом деле в складках блузки от Маккуина). Плечо Башни было плато, покрытым тканью цвета грозового неба. Там, на этом плато, сияла Брошь — артефакт такой чистоты и блеска, что у Мини перехватывало дыхание. Брошь пела. Буквально. В ультразвуковом диапазоне она испускала вибрацию, древнюю, как сама Земля — это был звон драгоценного металла, и этот звон говорил Мини: *Приди*.

— Я знаю, — ответила Мини. — Я должна коснуться Башни и вернуться в Нору. И тогда я стану Взрослой. И тогда я получу Усы.

— И тогда ты умрешь, — прошелестела Праматерь Шелеста. — Или не умрешь. В этом суть Испытания.

Грызломор Свирепый хмыкнул (это прозвучало как короткий писк, но в мышинной культуре это был эквивалент скептического кашля).

— В мое время, — проворчал он, — Испытание проходили на Кухне. Нужно было стащить Крошку Сыра из-под носа Спящего Стража. Вот это был риск. А теперь... коснуться Башни. Тьфу. Молодежь.

— Времена меняются, Грызломор, — ответил Вислоус Мудрый. — Башни стали заметнее. Их мощь выросла. Раньше они просто ходили. Теперь они сидят, говорят, и от их слов сотрясаются сами основы Мира. Коснуться Башни сегодня — это как украсть Крошку Сыра у Праматери Судьбы. Это акт величайшей дерзости. Это то, что нужно нашему Роду.

Мини не слушала их перепалку. Она смотрела на Плечо. На Брошь. На Утес, который ей предстояло покорить.

Она не думала о смерти. В мышинном языке не было слова «смерть» в человеческом смысле. Было слово «уйти-в-тишину», было слово «стать-шорохом», было слово «раствориться-в-запахе». Но страха не было. Было лишь предвкушение Великого Прыжка.

— Я готова, — сказала она.

Праматерь Шелеста кивнула. Вислоус Мудрый простер ус в направлении Открытого Мира — благословляющий жест.

— Да пребудут с тобой Предки, — произнес он. — Да будет твой прыжок легок, как пух. Да не заметят тебя Стражи.

Грызломор Свирепый добавил:

— Если сожрут — не позор Род. Умри достойно.

Мини не ответила. Она сделала шаг вперед, пересекла Плинтус, и ее лапы ступили на Великое Море Ворса.

Ковер был мягок и пружинил под каждым шагом. Он пах пылью, кожей, историей и полиролью «Old Glory». Для Мини этот запах был запахом Олимпа — обители Ходячих Башен. Она двигалась быстро, перебегая от ворсинки к ворсинке, используя их как укрытия. Ее серый мех сливался с серо-бежевым цветом ковра. Она была невидима. Она была тенью. Она была шорохом, который никто не слышал.

Башня приближалась.

Вот она, нога Башни — колонна, обтянутая чулком. От нее исходил жар. Запах духов — сладкий, удушающий, как цветы на могиле. Мини обогнула колонну и начала восхождение.

Она карабкалась по ткани юбки, цепляясь коготками за микроскопические волокна. Каждый сантиметр был битвой. Ткань скользила, норовила сбросить ее в Пропать (пространство между диваном и журнальным столиком, двадцать сантиметров — для мыши это был Большой Каньон). Но она держалась. Кровь Предков бурлила в ее жилах. Она вспоминала Великие Сказания: о Праотце, грызшем Пергамент, о Вислоусе Старшем, укравшем Крошку Сыра у Спящего Стража, о Безымянном Герое, переплывшем Лужу Кофе и выжившем.

И вот — Плечо.

Плато. Ткань здесь была гладкой и прохладной. Мини остановилась, переводя дыхание. Она сделала это. Она стояла на Плече Ходячей Башни. Мир простирался перед ней, огромный,

немыслимый. Она видела головы других Башен — одна с лысиной (Президент), другая с прилизанными волосами (Премьер). Они издавали гул — низкие, рокошующие вибрации, которые сотрясали воздух. Слова. Заклинания.

А перед ней, в нескольких сантиметрах от ее носа, сияла Брошь.

Мини смотрела на нее, замороженная. Брошь была круглой, с камнем в центре — голубым, как глаз Великого Неба. Камень пульсировал. Он пел. Он звал.

Мини сделала шаг. Еще один.

Она не знала, что Брошь была сапфиром в платиновой оправе, фамильной драгоценностью рода Тэлбот-Смайт, оцененной в двести тысяч фунтов. Она не знала, что Леди Агата застраховала ее в Lloyd's на случай кражи, пожара, наводнения и акта терроризма. Она не знала, что такое «деньги», «страховка» и «Маккуин». Она знала только одно: Брошь пела, и песня была прекрасна.

Она протянула лапу.

Коснулась.

И в этот момент Леди Агата, уставшая от пыльной люстры и скучных мыслей о горничных, опустила взгляд и увидела серый комочек на своем плече.

3. Столкновение

Реальность №1: Леди Агата

Первая мысль была: «Крошка». От печенья. От этого чертового печенья, которое подали в самолете вместе с несвежим сэндвичем. Муж вечно крошит. Она машинально подняла руку, чтобы смахнуть крошку.

Но крошка шевелилась.

Леди Агата замерла. Ее мозг, trained by decades of high society survival, произвел серию быстрых вычислений.

Шевелится. Не крошка. Жук? Нет. Паук? Боже упаси. Мышь.

Мышь.

На моем плече.

На моем платье.

Платье от Маккуина.

Двадцать тысяч фунтов.

Химчистка убьет ткань.

Она нагадит. Она точно нагадит. Они всегда гадают, когда пугаются.

Она испугается и нагадит на мое платье от Маккуина, которое стоит двадцать тысяч фунтов, и химчистка его убьет, и этого модельера больше нет, он умер, и второго такого платья не будет, и я останусь без платья, а на приеме у королевы через месяц мне будет нечего надеть, и эта мышь, эта маленькая серая дрянь, уничтожит мою жизнь...

Визг, который издала Леди Агата, не был визгом метафизического ужаса. Это был визг женщины, увидевшей таракана на своем свадебном торте. Это был визг домохозяйки, обнаружившей плесень в банке с вареньем. Это был визг собственницы, чье имущество подверглось атаке.

Но акустика Овального кабинета превратила его в звук поистине апокалиптический.

— А-А-А-А-А!!!

Реальность №2: Мини

Мини коснулась Броши.

В тот же миг Небеса раскололись.

Глас Рога Судьбы прозвучал над Миром. Такого звука Мини не слышала никогда — он был низким и высоким одновременно, он был повсюду, он проникал в кости, в зубы, в кончики усов. Ходячая Башня издала Боевой Клич.

Свершилось! — пронеслось в сознании Мини. — Я коснулась Броши! Я пробудила Великанов!

Она замерла, парализованная восторгом и ужасом. Башня дернулась. Плечо накренилось. Мир закачался. Мини изо всех сил вцепилась когтями в ткань, чувствуя, как волокна трещат, как Пропасть разверзается внизу, как Ветер (взрывная волна от визга) пытается сбросить ее в Бездну.

«Я не умру, — подумала она. — Я не опозорю Род».

И она прыгнула — не вниз, в Пропасть, а в сторону, к Рукаву Башни. Ее лапы нашли опору. Она рванулась вниз, по ткани, к Великому Морю Ворса, к спасительной тени Плинтуса.

Я коснулась! Я вернулась! Я — Взрослая! Усы Предков — мои!

Вихрь мыслей проносился в ее голове, когда она бежала, петляя между ножками стульев, уворачиваясь от падающих предметов, от вибрирующих шагов Ходячих Башен, которые вдруг пришли в движение. Она неслась к Плинтусу, и сердце ее колотилось не от страха, а от восторга.

Она не знала, что началось.

Реальность №1: Овальный кабинет

Визг Леди Агаты разрезал пространство, как скальпель — гнойник.

— **МЫШЬ! МЫШЬ! НА МНЕ! МЫШЬ!**

Она вскочила, хлопая себя по плечу, по груди, по рукавам, словно тушила пожар. Брошь (двести тысяч фунтов!) оторвалась и покатилась по ковру, сверкая сапфиром.

— **ГДЕ?! —** взревел Президент, забыв о ягодице.

— **ТАМ! НА ПЛЕЧЕ! ОНА БЫЛА НА МОЕМ ПЛЕЧЕ!**

Британский премьер, чей кишечник мгновенно забыл о сэндвиче перед лицом катастрофы, вскочил и попытался поймать жену, но лишь опрокинул журнальный столик. Чашки «Эрл Грея» (пакетированного) взлетели в воздух и приземлились на ковер, который впитал чай с благодарностью старого алкоголика.

Адъютант Кевин уронил поднос. Серебро зазвенело по полу. Капля пота, та самая, которую он так боялся уронить, упала... но не в чашку, а просто на пол, и это уже никого не волновало.

— **ОЦЕПИТЬ КАБИНЕТ! —** орал Президент. — **ПЕРЕКРЫТЬ ДВЕРИ! НИКТО НЕ ВХОДИТ! НИКТО НЕ ВЫХОДИТ! НЕ ДАТЬ ЖУРНАЛИСТАМ ПРОСОЧИТЬСЯ!**

Но журналисты уже просочились. Точнее, просочилась информация — через открытую дверь, через крики, через топот. В коридоре уже жужжали телефоны, щелкали камеры, и кто-то успел написать в Twitter (тогда еще Twitter): «В Овальном кабинете мышь! Леди Агата в истерике! Подробности позже! #WhiteHouseMouse»

Леди Агата рыдала. Премьер пытался ее утешить. Президент орал на главу Секретной службы. Глава Секретной службы орал на своих агентов. Агенты, здоровые мужчины с пушками под пиджаками, носились по кабинету, заглядывая под стулья и диваны, пытаясь найти серого террориста размером с половину пальца.

А в углу, в тени резного плинтуса из Вест-Эндского аббатства, запыхавшаяся Мини нырнула в щель и упала на пол Норы, где ее уже ждали Старейшины.

— **Свершилось, —** выдохнула она, и ее глаза сияли. — **Я коснулась. Я вернулась. Я — Взрослая.**

Вислоус Мудрый склонил голову.

— **Приветствую тебя, Миниэль, Дочь Испытания. Отныне ты носишь Усы Предков.**

Праматерь Шелеста улыбнулась беззубым ртом.

Грызломор Свирепый хмыкнул и добавил:

— Башни орут. Это плохой знак. Готовьтесь. Что-то грядет.
Он был прав.

4. Запах грядущего

В Овальном кабинете наступила тишина — та особенная тишина, которая бывает после катастрофы. Леди Агату увели в соседнюю комнату, где она рыдала на плече у какой-то стажерки, попутно требуя адвоката, врача и немедленной дезинфекции. Премьер сидел в кресле с таким лицом, словно его только что оповестили о начале Третьей мировой. Президент стоял у стола, сжимая кулаки, и смотрел на мокрое пятно от чая на ковре.

— Найдите мне того, кто отвечает за дезинсекцию, — произнес он ледяным голосом. — И увольте. Нет. Сначала найдите. Потом я с ним поговорю. Потом увольте.

— Сэр... — начал глава Секретной службы.

— Молчать. Вы все. Молчать. У нас тут международный скандал из-за грызуна. Из-за одного маленького серого грызуна. Вы понимаете, что эти чертовы британцы теперь будут рассказывать про нас? Что в Белом доме мыши. Что у нас антисанитария. Что президент великой страны не может навести порядок в собственном кабинете.

Он замолчал, переводя дыхание. Ягодица снова зачесалась. Он проигнорировал.

— Собрание в Ситуационной комнате через час, — бросил он. — Все. Все до единого. И найдите мне мышь. Мертвую. Или живую. Без разницы.

Агенты засуетились.

В глубокой тени плинтуса, в теплой и уютной Норе, Мини стояла перед алтарем из Священной Крошки, и Вислоус Мудрый возлагал на ее голову (образно — мыши не носят головных уборов) Усы Предков — длинные седые волоски, переходившие из поколения в поколение.

— Отныне ты — Воин, — произнес он.

Сверху, с поверхности Великого Моря Ворса, доносились тяжелые, гневные вибрации. Шаги. Крики. Ярость.

И где-то вдали, в подвалах Белого дома, Чарльз «Чистильщик» Морган, уборщик с больной спиной и ортопедическим бандажом, получил вызов на ковер к начальству. Он еще не знал, зачем его вызвали. Но он чуял: пахнет жареным. Или травленным. Для мышей, разумеется.

Грядет буря.

Глава 2. Мышиный кодекс: Прыжок Веры

1. Священная Крошка и Закон Предков

Великая Нора, сокрытая за Плинтусом из дубов Вест-Эндского аббатства, не была просто дырой в стене. Она была Храмом. Она была Цитаделью. Она была Чревом Истории, где каждый изгрызенный кусочек дерева хранил память о поколениях, ушедших-в-тишину.

Своды Норы поднимались на высоту трех мышиных ростов (примерно двенадцать сантиметров в человеческом измерении, но кто из мышей меряет мир людскими мерками?). Стены были укреплены волокнами ковра, спрессованными слюной и временем — материалом, который Старейшины называли «Вечный Войлок». В центре главного зала, на возвышении из спичечного коробка (того самого, с надписью «Waldorf Astoria», украденного Праотцем в 1952 году), покоилась она — Крошка Первого Сыра.

Крошка была мала. Не больше мышиного глаза. Некогда она была частью великого Колеса Чеддера, которое Первопроходец добыл в Битве за Кухню при администрации Эйзенхауэра. С тех пор Крошка высохла, затвердела, превратилась в камень — но камень священный. Она источала аромат, который взрослые мыши ощущали как воспоминание о Рае, а молодняк — как смутное обещание величия. Крошка была Алтарем. Крошка была Конституцией. Крошка была Свидетелем всех клятв, всех посвящений, всех судов и всех приговоров.

И сейчас, в мерцающем свете грибницы (особый сорт люминесцентного мха, выращиваемого в Норе поколениями), перед Крошкой стояли трое.

Вислоус Мудрый — его усы, седые и длинные, свисали до самого пола и чуть подрагивали, словно жили собственной жизнью. Говорили, что в молодости он мог учуять приближение Человека за три комнаты. Говорили также, что он был единственным мышом, читавшим Книгу Шорохов от корки до корки и не сошедшим с ума.

Грызломор Свирепый — Хранитель Запасов, приземистый, широкий в кости, с бельмом на левом глазу и шрамами через всю морду. Он не читал Книгу Шорохов. Он ее жевал. В прямом смысле — в голодную зиму 1983 года, когда люди перекрыли доступ на кухню, он сожрал три страницы, чтобы выжить, и с тех пор утверждал, что истина познается не глазами, а желудком.

И Праматерь Шелеста — старейшая из старейших. Ее мех был бел, как первый снег. Ее голос был тих, как шорох падающего листа. Она помнила времена, когда Овальный кабинет еще не был Овальным кабинетом. Она помнила Кеннеди. Она помнила Рузвельта. Ходили слухи, что она помнила Линкольна, но это считалось преувеличением, хотя сама Праматерь этих слухов не опровергала.

Они ждали.

И вот она вошла.

2. Возвращение Дочери Испытания

Миниэль, Дочь Линии Прогрызших Основание Мира, переступила порог Главного Зала, и сто двадцать семь мышей (все население Норы, от дряхлых старцев до слепых детенышей) затаили дыхание.

Она была прекрасна.

Ее мех, еще час назад серый и неприметный, словно светился изнутри. Ее глаза горели огнем, какого не видели в Норе со времен Битвы за Крошку Пармезана. Она шла медленно, торжественно, и каждый ее шаг по Вечному Войлоку отдавался в сердцах собравшихся глухим барабанным боем.

Она остановилась перед Алтарем.

— Я вернулась, — произнесла она. Голос ее дрожал, но не от страха — от величия момента.

Вислоус Мудрый поднял лапу.

— Назови себя, — потребовал он.

— Я — Миниэль из рода Великого Шороха.

— Что ты совершила?

— Я вышла в Открытый Мир. Я пересекла Великое Море Ворса. Я взошла на Плечо Ходячей Башни. Я коснулась Сияющей Броши. И я вернулась.

По толпе пробежал шепот. Шепот перерос в гул. Гул — в ликование.

— СВЕРШИЛОСЬ! — взревел кто-то. — ПРОРОЧЕСТВО ИСПОЛНИЛОСЬ!

Но Грызломор Свирепый ударил лапой по полу. Звук был резок, как треск ломаемой кости.

— ТИХО! — рявкнул он. — Я, Хранитель Запасов, требую слова. И по Закону Предков — мне его дадут. Или вы забыли Закон?

Толпа умолкла. Никто не забывал Закона. Закон был прост: любой имеет право говорить перед Крошкой Первого Сыра. Даже если он говорит глупости. Даже если он слеп на один глаз и ворчит без остановки. Закон есть Закон.

3. Речь Грызломора

Грызломор вышел вперед. Его тяжелая поступь сотрясала спичечный коробок Алтаря. Он обвел толпу единственным зрячим глазом и начал.

— Вы кричите «свершилось», — произнес он, и каждое его слово падало, как камень в тихий пруд. — Вы прыгаете, как детеныши, впервые увидевшие Крошку Сахара. Вы готовы петь гимны и слагать саги. А знаете ли вы, что вы наделали?

Он ткнул лапой в сторону Мини.

— Вот она, ваша героиня. Она вышла в Открытый Мир. Она коснулась Башни. И Башня закричала. Вы слышали этот крик? Он сотряс Мироздание. Ходячие Башни пришли в движение. Они топают. Они рычат. Они ищут. И кого они ищут? НАС.

Толпа зароптала. Кто-то крикнул: «Они всегда ищут! Таков порядок вещей!»

— Порядок?! — Грызломор оскалился. — Я скажу вам, каков порядок вещей. Порядок был установлен Первопроходцем. Порядок прост: МЫ НЕ ВЫХОДИМ НА СВЕТ. Мы живем в тени. Мы едим крошки, которые падают с их столов. Мы не попадаемся им на глаза. Это Закон. Это Кодекс. И этот Кодекс хранил нас десять тысяч поколений.

Он повернулся к Мини, и его единственный глаз сверкнул.

— А ты, Дочь Испытания, ты его нарушила. Ты показала им, что мы здесь. Ты не просто коснулась Башни — ты РАЗБУДИЛА ее. И теперь они придут. С ядами. С ловушками. С Железными Демонами. Ты принесла в Нору не славу. Ты принесла смерть.

Он замолчал. Тишина повисла в зале, густая и тяжелая, как запах старого сыра.

Праматерь Шелеста, сидевшая в углу и до того казавшаяся спящей, вдруг приоткрыла один глаз — мутный, но все еще видящий больше, чем любой зрячий.

— Старый Грызломор говорит дело, — прошелестела она. — Я помню Вторую Великую Чистку. Это было при Никсоне. Люди травили нас газом. Половина Норы ушла-в-тишину. Мы выжили только потому, что сидели тихо. Как сидели отцы наши. Как сидели отцы отцов.

— Вот! — Грызломор торжествующе воздел лапу. — Сама Праматерь подтверждает!

Но тут заговорил Вислоус Мудрый.

4. Речь Вислоуса

Он не кричал. Он никогда не кричал. Его голос был тих, но каждый слышал его так ясно, словно он звучал внутри собственной головы.

— Ты прав, Грызломор, — начал он. — Кодекс хранил нас. Мы сидели тихо. Мы крали крошки. Мы жили в тени. Десять тысяч поколений. И что же мы видим?

Он обвел зал лапой.

— Я смотрю на вас, братья и сестры. Я смотрю на наши стены из Вечного Войлока. На наш Алтарь из спичечного коробка. На нашу Священную Крошку. И я спрашиваю вас: это ли предел наших мечтаний? Крошки? Пыль? Тень?

Он шагнул вперед, к Мини.

— Вы говорите о Второй Чистке при Никсоне. Я помню ее. Я помню, как мои братья задыхались в норах. Я помню запах. Но я помню и другое. После Чистки мы стали ЕЩЕ ТИШЕ. Мы стали ЕЩЕ НЕЗАМЕТНЕЕ. Мы сжались до размеров пылинки. И вы называете это победой?

Он повернулся к Праматери.

— Ты мудра, о Праматерь. Но мудрость предков — это не цепи. Это крылья. Мы не можем вечно прятаться. Мир меняется. Ходячие Башни растут. Их мощь увеличивается. Еще немного — и они зальют бетоном каждый угол, запечатают каждую щель, и мы вымрем не от яда, а от голода в собственных норах.

Он указал на Мини.

— Эта Дочь совершила не преступление. Она совершила ПРЫЖОК. Прыжок Веры. Она показала нам, что мы ЕЩЕ ЖИВЫ. Что мы можем не только прятаться, но и ДЕЙСТВОВАТЬ. Да, Башни проснулись. Да, они идут. Но разве это не лучше, чем медленное угасание в тени? Разве не лучше умереть в битве, чем задохнуться в собственной норе?

Ропот пробежал по толпе. На этот раз — одобрительный.

— Вислоус говорит правду! — крикнул молодоймыш по имени Быстроног. — Мы устали прятаться!

— Мы хотим битвы! — поддержал его другой.

— Мы хотим СЫРА! — добавил третий, и это был аргумент, понятный каждому.

Грызломор ударил лапой по полу.

— Глупцы! — проревел он. — Вы говорите о битве, но вы никогда не видели Железных Демонов. Вы никогда не нюхали Дыхание Смерти. Вы никогда не смотрели в глаза Ходячей Башне и не видели там свою гибель!

— А ты смотрел? — тихо спросил Вислоус.

Грызломор замолчал. Его шрамы вдруг стали заметнее.

— Да, — произнес он глухо. — Я смотрел. В Битве за Крошку Пармезана. Я потерял глаз. Я потерял брата. Я потерял все, кроме жизни и Запасов. Поэтому я и говорю вам: НЕ НАДО БИТВЫ. Битва — это смерть.

Наступила тишина. Даже Вислоус не нашелся, что ответить.

И тогда заговорила Мини.

5. Клятва на Крошке Первого Сыра

Она вышла в центр зала и встала так, чтобы видеть всех: и Старейшин, и воинов, и матерей с детенышами, и стариков, и молодых.

— Я слушала вас, — начала она, и ее голос звенел, как натянутая струна. — Я слышала Грызломора, Хранителя Запасов, и его слова полны боли. Я слышала Вислоуса Мудрого, и его слова полны надежды. Я слышала Праматерь, и ее слова полны памяти. Теперь выслушайте меня.

Она положила лапу на Крошку Первого Сыра.

— Я не хотела будить Башни. Я не хотела подвергать Нору опасности. Я хотела лишь одного: стать Взрослой. Получить Усы Предков. Служить Роду. Но если мой поступок навлек беду — я приму ответственность.

Она подняла голову, и ее глаза сверкнули.

— Я не буду прятаться. Я не буду убегать. Если Башни идут — я встречу их. Если Железные Демоны придут — я буду сражаться. Я клянусь на Крошке Первого Сыра: я не посрамлю

Род. Я не предаю Предков. Я буду защищать Нору до последнего дыхания, до последней капли крови, до последнего шороха.

Она замолчала. Крошка под ее лапой, казалось, потеплела.

И тогда Вислоус Мудрый сделал то, чего никто не ожидал.

Он склонил голову.

— Я свидетельствую, — произнес он. — Клятва принята.

Грызломор молчал. Его единственный глаз смотрел на Мини, и в этом взгляде было что-то новое. Не гнев. Не страх. Что-то похожее на уважение.

— Я тоже свидетельствую, — проворчал он наконец. — Хотя и думаю, что ты сумасшедшая. Но сумасшедшие нам сейчас и нужны.

По толпе прокатился смех — нервный, но облегченный.

Праматерь Шелеста приоткрыла второй глаз.

— Пророчество гласит, — произнесла она тихо, но ее голос заполнил весь зал, — «Когда Дщерь коснется Неба и вернется, начнется Великая Эпоха. Ибо Малый Народ выйдет из тени, и содрогнутся Башни». Я думала, это сказка для детенышей. Теперь вижу: это не сказка.

Она поднялась — медленно, с трудом, опираясь на посох из засохшей макаронины.

— Готовьтесь, — сказала она. — Эпоха Молчания кончилась.

И где-то вдалеке, за стенами Норы, за Плинтусом, за Великим Морем Ворса, раздался звук. Тяжелый. Ритмичный. Как шаги Судьбы.

Это были шаги Чарльза «Чистильщика» Моргана, который получил приказ и теперь шел в подвал за оружием.

Но мыши еще не знали этого. Они знали только одно: что-то грядет.

И они готовились.

6. Ночь перед бурей

Совет закончился далеко за полночь (по мышьиному времени; по человеческому — прошло около часа). Мини сидела в углу Главного Зала, и вокруг нее собрался кружок молодых воинов. Они смотрели на нее с благоговением. Она только что совершила Прыжок Веры. Она коснулась Башни. Она вернулась.

— Расскажи еще раз, — попросил Быстроног. — Как ты карабкалась по ткани? Как ты не упала?

Мини улыбнулась.

— Я чуть не упала, — призналась она. — Ткань была скользкой. Пахло духами. Но я держалась. Я думала о Предках. Я думала о Праотце, грызшем Пергамент. И я держалась.

— А Брошь? Какая она?

— Прекрасная. Она пела. Она звала меня. Я не могла не коснуться.

Молодые мыши слушали, затаив дыхание. Они были готовы идти за ней. Они были готовы умереть за нее. Таков закон харизмы — она действует безотказно даже среди грызунов.

В другом углу Норы Грызломор проверял Запасы. Его лапы двигались машинально, пересчитывая крошки, зерна, кусочки сахара, засушенные шкурки насекомых. Он делал это каждую ночь. Но сегодня в его движениях была новая энергия.

— Если Башни идут, — бормотал он себе под нос, — нам нужно больше. Нужно послать отряд на Кухню. Нужно пополнить Запасы. Нужно...

Он замолчал. Его единственный глаз уставился в темноту.

— Нужно готовиться к войне, — закончил он тихо.

Вислоус Мудрый сидел перед Книгой Шорохов. Книга была сделана из лепестков роз, скрепленных паутиной, а буквы были выгрызены зубами сотен поколений писцов. Он читал Пророчество. Читал и перечитывал.

«Когда Дщерь коснется Неба и вернется, начнется Великая Эпоха. Ибо Малый Народ выйдет из тени, и содрогнутся Башни. Тогда придет Союзник из Стальных Чертогов и унесет

Избранных в Красную Пустыню. Там, под алыми песками, они построят Новую Нору, и слава их превзойдет славу Предков».

— Стальные Чертоги, — прошептал Вислоус. — Красная Пустыня. Что это значит?

Он не знал. Но он чувствовал: ответ близок.

Праматерь Шелеста спала. Ей снились времена Рузвельта, запах трубочного табака и голос Великана, который говорил о свободе. Она улыбалась во сне.

А наверху, на поверхности Великого Моря Ворса, в Овальном кабинете, Чарльз «Чистильщик» Морган получал инструктаж.

— Полная зачистка, — говорил ему глава Секретной службы. — Ни одной живой твари. Президент лично приказал. Вот оборудование из DARPA. Газ. Ультразвук. Дроны. Вопросы?

— Вопросов нет, — ответил Морган. Его ладони чесались в предвкушении. Он поправил ортопедический бандаж и улыбнулся. Это была улыбка человека, который нашел смысл жизни. И смысл этот пах ядом.

Грядет буря.

Глава 3. Визг и его последствия в мире двуногих

1. Крик

Леди Агата Тэлбот-Смайт, в девичестве Булкинс, издала звук.

Это был не крик в строгом физическом смысле. Крик — это когда воздух выходит из легких через голосовые связки с частотой, различимой человеческим ухом. То, что издала Леди Агата, было скорее явлением природы. Так кричит банши над болотами Ирландии. Так визжит свинья на бойне, когда видит нож. Так, возможно, звучала бы сама реальность, если бы реальность могла испытывать боль.

Звук начался где-то в районе диафрагмы, поднялся по пищеводу, набрал силу в гортани и вырвался наружу с мощью, совершенно неожиданной для женщины пятидесяти трех лет, чьи физические упражнения ограничивались поднятием чайной чашки и указательного пальца (для вызова прислуги).

— МЫШЬ! МЫШЬ! МЫШЬ! — выкрикивала Леди Агата, и каждое слово было как удар хлыста. — НА МНЕ! НА МОЕМ ПЛЕЧЕ! БОЖЕ! ГОСПОДИ! МЫШЬ!

Она вскочила с дивана. Движение было столь резким, что ее тело, обычно передвигавшееся с величественной медлительностью океанского лайнера, на мгновение обрело скорость истребителя. Брошь — та самая, сапфир в платине, двести тысяч фунтов, застрахованная в Lloyd's — оторвалась от блузки и покатила по ковру, сверкая голубым глазом.

Никто этого не заметил. Потому что все смотрели на Леди Агату.

— Мышь? — переспросил британский премьер. Его мозг, все еще занятый переговорами о тарифах, отказывался обрабатывать новую информацию. — Какая мышь? Где?

— НА МНЕ! — Леди Агата хлопала себя по плечам, по груди, по рукам. Это выглядело как ритуальный танец африканского племени, вызывающего дождь. — ОНА БЫЛА НА МНЕ! СЕРАЯ! С ХВОСТОМ! МЕРЗКАЯ!

Премьер, наконец, осознал серьезность ситуации. Его жена только что устроила истерику в Овальном кабинете. Перед президентом Соединенных Штатов. Перед журналистами (которые, слава богу, еще не вошли, но уже стояли в дверях). Это был не просто скандал. Это был дипломатический Чернобыль.

— Дорогая, успокойся, — произнес он самым умиротворяющим тоном, на который был способен человек с бурлящим кишечником. — Мыши здесь нет. Она убежала. Все хорошо.

— ХОРОШО?! — взвилась Леди Агата. — У МЕНЯ НА ПЛЕЧЕ БЫЛА МЫШЬ! В БЕЛОМ ДОМЕ! В ОВАЛЬНОМ КАБИНЕТЕ! МЫШЬ! ЭТО НЕ «ХОРОШО»! ЭТО АНТИ-САНИТАРИЯ! ЭТО ПОЗОР!

Президент Соединенных Штатов в это время думал о трех вещах. Во-первых, о том, что его левая ягодица, забытая на время кризиса, снова начала чесаться. Во-вторых, о том, что через пятнадцать минут запланирована пресс-конференция, и если журналисты пронюхают о мыши, заголовки будут катастрофическими. В-третьих, о том, что во всем этом виноват кто-то конкретный, и этот кто-то конкретный сейчас получит по полной программе.

— ОЦЕПИТЬ! — рявкнул он.

Никто не пошевелился. Агенты Секретной службы, стоявшие по периметру, смотрели на него с выражением легкого недоумения. Оцепить что? Овальным кабинет? От мыши?

— ДВЕРИ! — уточнил Президент. — ЗАКРОЙТЕ ДВЕРИ! НИКТО НЕ ВХОДИТ! НИКТО НЕ ВЫХОДИТ!

Вот это уже было понятно. Агенты пришли в движение. Двери захлопнулись.

Но было поздно.

2. Журналисты

У дверей Овального кабинета стоял пресс-пул Белого дома — двенадцать человек с камерами, микрофонами и лицами людей, которые уже мысленно подсчитывают премиальные.

Главным среди них был Марвин «Потный» Гольдштейн, политический корреспондент газеты «Washington Post». Потным его прозвали не случайно. Марвин потел. Он потел всегда и везде. Он потел в январе при минусовой температуре. Он потел в кондиционированных залах. Он потел во сне. Его коллеги шутили, что если когда-нибудь случится ядерная зима, Марвин Гольдштейн все равно будет потеть. Сейчас, в ожидании выхода президента и британской делегации, он потел с особой интенсивностью. Капли стекали по его лбу, прокладывая извилистые русла через слои тонального крема (Марвин страдал куперозом и стеснялся этого).

Рядом с ним стояла Линда Чан из CNN, миниатюрная женщина с лицом фарфоровой куклы и инстинктами пираньи. Она держала телефон наготове и уже мысленно составляла пуш-уведомление.

За ними толпились операторы — крупные мужчины с дорогими камерами и вечной изжогой.

Они ждали.

Когда двери Овального кабинета на мгновение приоткрылись (агент впускал адъютанта Кевина), они услышали ЭТО.

Визг.

— Это что за хрень? — спросил Марвин, и капля пота упала с его носа на объектив камеры стоимостью пятнадцать тысяч долларов.

— Это Леди Агата, — ответила Линда, уже набирая текст. — Она кричит.

— Чего она кричит? — спросил оператор CNN, поправляя ремень, врезавшийся в живот.

— Не знаю, — ответила Линда, не отрываясь от телефона. — Но она кричит слово на букву «М».

— Mother? — предположил кто-то.

— Mouse, — сказала Линда, и ее глаза загорелись. — Она кричит «mouse». Мышь. В Овальном кабинете мышь.

В этот момент агент Секретной службы захлопнул дверь прямо перед их носами. Марвин Гольдштейн издал звук, похожий на сдавленный стон раненого бизона.

— Они закрылись! — заорал он. — Они, мать их, закрылись! Мы упустили кадр! Кадр века! Мышь в Овальном кабинете на плече британской аристократки — и мы упустили кадр!

— У меня есть аудио, — сказал кто-то из заднего ряда.

— АУДИО?! — Марвин развернулся, и брызги пота полетели во все стороны. — Кому, на хрен, нужно АУДИО?! Нужно ВИДЕО! Визжащая леди с мышью на плече — это же, мать твою, золото! Это же «Пуллитцер»! Это же мем на десять лет! А у нас АУДИО!

Он пнул ногой стену. Стена была мраморной, нога — нет. Марвин взвыл.

Линда Чан тем временем уже отправила пуш-уведомление: «СРОЧНО: Инцидент в Белом доме. Леди Агата Тэлбот-Смайт сообщает о мыши в Овальном кабинете. Подробности уточняются».

Через три минуты уведомление висело на главных страницах всех новостных сайтов мира.

3. Комната отдыха

Леди Агату увели в соседнее помещение — небольшую комнату отдыха с диваном, журнальным столиком и акварелью с изображением Белого дома (нарисованной, по иронии судьбы, мышью? нет, просто плохим художником).

На диване сидела стажерка по имени Хизер — двадцать два года, степень по международным отношениям, неоплачиваемая практика и огромное желание сделать карьеру. Когда в комнату ворвалась рыдающая Леди Агата, Хизер как раз проверяла Instagram. Она отложила телефон и приготовилась к самому важному моменту в своей жизни.

— Мэм? — произнесла она неуверенно. — Вам помочь?

— МЫШЬ! — ответила Леди Агата и рухнула на диван.

Хизер замерла. Курс «Дипломатический протокол в кризисных ситуациях» не предусматривал инструкций на случай мыши на плече супруги премьер-министра.

— Мышь... ушла? — спросила она.

— Я НЕ ЗНАЮ! — Леди Агата всхлипнула. — Она была там! На моем плече! Серая! Маленькая! Мерзкая! Она смотрела на меня!

— Мыши не смотрят, — ляпнула Хизер и тут же пожалела. — То есть... у них зрение плохое. Они...

— ОТКУДА ВЫ ЗНАЕТЕ?! — Леди Агата подняла на нее заплаканные глаза. — Вы что, специалист по мышам?!

Хизер поняла, что любое продолжение разговора только ухудшит ситуацию. Она замолчала и принялась мысленно молиться, чтобы кто-нибудь — кто угодно — вошел в комнату и спас ее.

Молитва была услышана. Дверь открылась, и вошел британский премьер.

4. Премьер

Премьер-министр Соединенного Королевства вошел в комнату отдыха с выражением лица человека, который только что наблюдал крушение собственной карьеры в замедленной съемке.

Он думал о нескольких вещах одновременно.

Первое. Его жена устроила истерику в Овальном кабинете. Видео, скорее всего, нет — двери закрыли вовремя. Но аудио есть точно. Кто-то из журналистов записал. Значит, через час крик «МЫШЬ!» будет висеть на YouTube. Через два — станет мемом. Через три — рингтоном. Он знал, как это работает. Он был политиком.

Второе. Президент США, его главный союзник и партнер по переговорам, только что был унижен на своей территории. Это плохо. Очень плохо. Униженные союзники становятся несговорчивыми. Скидка на истребители накрылась медным тазом.

Третье. Брошь. Где брошь? Он хорошо помнил, сколько она стоила. Двести тысяч фунтов. Он помнил страховой полис. Он помнил лицо оценщика из Lloyd's, который сказал: «Разумеется, сэр, мы покроем все риски, включая кражу, пожар и акт терроризма». Но покрывает ли страховка «мышь в Белом доме»? Это был вопрос, который он собирался задать своему адвокату при первой возможности.

Четвертое. Его кишечник снова подал сигнал. Сэндвич требовал выхода.

— Дорогая, — произнес он, подходя к дивану. — Как ты?

— КАК Я?! — Леди Агата взвилась с дивана. — Ты спрашиваешь, КАК Я?! На мне была МЫШЬ! В ОВАЛЬНОМ КАБИНЕТЕ! Президента! Америки! И ты спрашиваешь, КАК Я?!

— Я понимаю твои чувства...

— НИЧЕГО ТЫ НЕ ПОНИМАЕШЬ! Ты не понимаешь, каково это — почувствовать на своем плече ЭТО! Это животное! Этот хвост! Эти маленькие лапки!

Премьер вздохнул. Он действительно не понимал. Он никогда не чувствовал мыши на своем плече. Но он чувствовал другое — как его политический рейтинг, выстраиваемый годами, осыпается, как песочный замок под волной.

— Мы разберемся с этим, — сказал он. — Президент уже вызвал службу безопасности. Они примут меры.

— МЕРЫ?! — Леди Агата горько рассмеялась. — Какие меры? Они поставят мышеловку? Они вызовут кота? Поздно! УЖЕ ПОЗДНО! Она КОСНУЛАСЬ меня! Я осквернена!

Хизер, сидевшая в углу, сделала заметку в телефоне: «Леди Агата: осквернена мышью. Важно для протокола».

5. Овальная кабинет: разбор полетов

Пока Леди Агата рыдала в комнате отдыха, в Овальном кабинете происходило то, что позже в мемуарах участников будет названо «Разговором на повышенных тонах», а в реальности было банальным матом.

Президент стоял за своим столом. Его лицо пошло красными пятнами — верный признак надвигающегося извержения. Перед ним, вытянувшись по стойке смирно, стоял Глава Секретной службы — мужчина по имени Джеймс «Джим» Харрисон, бывший морской пехотинец, прослуживший в охране президентов двадцать лет и ни разу не допустивший прокола. До сегодняшнего дня.

— Харрисон, — произнес Президент, и его голос был тих, как шелест змеи перед броском. — Объясните мне, пожалуйста, одну простую вещь.

— Сэр.

— Объясните мне, КАКОГО ХРЕНА у меня в Овальном кабинете завелись МЫШИ?

Президент больше не говорил тихо. Президент орал.

— МЫШИ! В ОВАЛЬНОМ КАБИНЕТЕ! ПРИ ИНОСТРАННОЙ ДЕЛЕГАЦИИ! ПРИ ПРЕССЕ! НА ПЛЕЧЕ У ЖЕНЫ БРИТАНСКОГО ПРЕМЬЕРА! Вы понимаете, что теперь будет? Вы понимаете, что завтра напишут газеты? «БЕЛЫЙ ДОМ — РАССАДНИК ГРЫЗУНОВ»! «ПРЕЗИДЕНТ НЕ МОЖЕТ НАВЕСТИ ПОРЯДОК В СОБСТВЕННОМ КАБИНЕТЕ»! А этот чертов британский премьер теперь скажет своему парламенту: «Американцы живут с мышами, зачем нам их истребители, давайте лучше купим французские»!

— Сэр, я понимаю...

— НИ ХРЕНА ВЫ НЕ ПОНИМАЕТЕ! — Президент шарахнул кулаком по столу. Телефон подпрыгнул. Фотография семьи упала. — Вы чем там вообще занимаетесь?! Вы и ваши люди?! Вы смотрите порно на посту?! Играете в карты?! Что у вас за служба такая, что мышь среди бела дня разгуливает по Овальному кабинету и садится на плечи высокопоставленным гостям?!

Харрисон побледнел. Обвинение в порно на посту было хуже обвинения в государственной измене.

— Сэр, разрешите доложить.

— Докладывайте! Только быстро!

— Здание Белого дома, — начал Харрисон голосом, каким читают приговор, — было построено в 1792 году. Ему двести тридцать два года. За это время в нем сменилось сорок шесть администраций, и каждая что-то ремонтировала. Стены здания состоят из песчаника, который крошится. Фундамент имеет трещины. Система вентиляции...

— Короче! — рявкнул Президент.

— В здании есть доступ для грызунов, — перешел к сути Харрисон. — Это старое здание, сэр. Очень старое. В нем есть щели. Есть пустоты в стенах. Есть коммуникации, проложенные еще при Трумэне. Мыши проникают через них.

— И вы знали об этом?!

— Знали, сэр. Мы регулярно проводим дезинсекцию. У нас есть контракт с...

— С КЕМ?! — Президент подался вперед. — С какой фирмой? Кто отвечает за дезинсекцию?

Харрисон замялся.

— Контракт был заключен три года назад, сэр. С фирмой «CleanSweep Inc.» Это компания из Огайо. Она выиграла тендер...

— Тендер? — Президент горько рассмеялся. — Тендер на травлю мышей в Белом доме выиграла фирма из Огайо? И как, хорошо потравили?

Харрисон молчал.

— Я спрашиваю: ХОРОШО ПОТРАВИЛИ?!

— Судя по сегодняшнему инциденту, сэр... недостаточно хорошо.

Президент закрыл глаза. Он мысленно досчитал до десяти. Потом до двадцати. Потом до тридцати. Не помогло.

— Харрисон, — произнес он ледяным голосом. — Вы сейчас выйдете из этого кабинета. Вы найдете мне контракт с этой фирмой. Вы найдете мне того, кто подписал этот контракт. Вы найдете мне того, кто проверял качество работ. И вы приведете их всех сюда. Всех. До единого. Я хочу знать, кто именно виноват в том, что я только что выглядел как идиот перед британцами. Вам ясно?

— Так точно, сэр.

— И еще, Харрисон.

— Сэр?

— Найдите мне того уборщика. Как его... Морган. Чистильщик. Я слышал, он спец по грызунам. Пусть придет и доложит. Лично. Через час.

Харрисон кивнул и вышел. Его рубашка под пиджаком была мокрой от пота.

6. Поиск виноватых

В течение следующего часа в Белом доме развернулась операция, по масштабу сравнимая с поиском Усамы бен Ладена, только объектом поиска были не террористы, а виноватые.

Первым нашли контракт с «CleanSweep Inc.». Он лежал в папке с пометкой «Обслуживание помещений / Дезинсекция», в шкафу № 47-В, в подвале, в отделе хозяйственного обеспечения. Контракт был подписан неким Джеральдом Пламмером, младшим помощником заместителя главы администрации по хозяйственным вопросам, который уволился полтора года назад и сейчас жил во Флориде, разводил аллигаторов и не отвечал на звонки.

Вторым нашли того, кто подписал акт приемки последней дезинсекции. Им оказался Майк Роуз, начальник хозяйственного отдела, который на допросе (проводившемся в его же кабинете, но с участием двух агентов Секретной службы) показал следующее:

— Они прислали бумагу. Я подписал. У меня тысяча бумаг в день. Что я должен был — идти проверять, потравили они мышей или нет? Я что, похож на мышинного инспектора?

— Вы подписали акт приемки, — сказал агент. — Вы приняли работу.

— Я принял БУМАГУ! — взвился Роуз. — Бумагу, а не работу! Вы знаете, сколько у нас подрядчиков? Вы знаете, сколько они присылают актов? Я физически не могу проверить каждый!

— А кто может?

Роуз задумался.

— Вообще-то... есть уборщик. Морган. Чарльз Морган. Он у нас уже тридцать лет работает. Он знает каждую щель в этом здании. Если кто и должен был заметить мышей — так это он.

Так Чарльз «Чистильщик» Морган стал следующим пунктом в списке.

7. Чистильщик

Чарльз Морган сидел в своей каморке в подвале Белого дома. Каморка была маленькой, три на четыре метра, но он любил ее. Здесь пахло хлоркой и старыми швабрами. Здесь на полках стояли бутылки с чистящими средствами, выстроенные по алфавиту. Здесь у него был электрический чайник и кружка с надписью «World's Best Janitor», которую ему подарила внучка на Рождество.

Он как раз заваривал чай, когда в дверь постучали.

— Открыто, — сказал он.

Вошли двое. Агенты Секретной службы. Морган узнал их instantly — он знал всех в Белом доме. За тридцать лет работы он видел, как приходили и уходили президенты, администрации, советники, агенты. Он был как мебель. Как плинтус. Как часть интерьера.

— Мистер Морган? — спросил первый агент.

— Он самый.

— Вас вызывает Президент.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.